Ленинградская Правда
г. Ленинград

31 марта 1984 года + № 78 (21020)

На соискание Ленинской премии

ЗАГАДКА АРТИСТА

КОГДА речь заходит о народном артисте СССР Евгении Алексеевиче Лебедеве, то обычно сразу же говорят о диапазоне его творческих возможностей, о том, к примеру, как он может сыграть трагедию на комически согнутых ногах. Это так. Диапазон поистине удивителен.

Когда пишут о Лебедеве, не обходят молчанием его дар не только вообразить, но и сотворить из себя все, что угодно: камень, дерево, нечистую силу, ребенка и женщину, купца, фашиста, мещанина, рабочего, ангела, ведьму, пуделя, лошадь... Его инструмент перевоплощения доведен каждодневной шлифовкой до совершенства, до постоянной готовности к действию.

Когда спорят о Лебедеве (а о нем, о трактовках созданных им образов спорят), никому не придет в голову усомниться в мастерстве воплощения замысла. Мастерство—общепризнанно. Оно пронизывает экранные и сценические работы артиста на всех уровнях: от целостного видения образа — часто парадоксального, разрушающего стереотипы, отмеченного резкой новизной, до микроскопической, но всегда сверкающей, всегда обыгранной детали — костюма ли, внешнего ли облика, поведения.

Более всего мастерство Лебедева обнаруживает себя в пластической партитуре образа. У него не бывает недопроявленных эмоций, вялых реакций, оставшихся втуне мыслей.

Внешний облик Евгения Алексеевича в жизни не отвечает расхожим представлениям об актере-«звезде». И роста обыкновенного, среднего. И импозантностью фигуры не обладает.

Загадку Лебедева снаружи не разглядишь. Она, по-видимому, в тех внутренних свойствах таланта, что, вспыхивая в процессе творчества, преображают внешность. И тогда весь облик артиста меняется до неузнаваемости. Он может вырастать на глазах и съеживаться в какую-то букашку. Становиться монументальным или егозливо-вертким. Вызывать ощущение какой-то гадливости, презрения, но с той же силой подкупать размахом страстей, мудрой неторопливостью слова. И голос его: ударом грома раскатится и задрожит вдруг страдальчески; то настырно - монотонной дрелью вопьется в уши, а то медоточиво гудит.

Тайна Лебедева-актера коренится в природе личности, самобытности натуры.

Его волнует нравственное и духовное здоровье современника. По его глубокому убеждению, без совести и совестливости, без характерной для русского человека потребности к очищению от тины недостойной жизни, дурных помыслов и поступков, без памяти об историческом прошлом невозможна личность. И вот здесь-то Лебедеву особенно дорога роль искусства.

Наивно полагать, будто Лебедев благостен, миролюбив, олимпийски бесстрастен. Он довольно жестко судит о вещах и явлениях, которые не приемлет. При этом не очень-то и себя поглаживает. Удивителен максимализм требований, предъявляемых к себе, к товарищам по профессии, к каждому своему дню — как прожил? чем заполнил? что сделал?

Так он воспитан временем и судьбой, детскими годами на Волге, в родном Балакове, среди мастеровых людей, среди балагуров и песельников. Худенький паренек оказался на редкость не ломким — жилистым. По крайней мере невзгоды переносил с неутомимостью истинного волгаря. И хоть бедствовал, бывало, отчаянно, дух свой укреплял верой в будущее.

Вот откуда Лебедев знает и любит быт (хотя никогда не признавал копирования его). Он всегда отталкивается в работе от живых впечатлений (почитайте его книгу «Мой Бессеменов»—вы увидите, как это происходит в реальной практике работы над ролью), но именно отталкивается, а не ограничивается ими.

И быт эпохи, и жизненные впечатления, и «записные книжки» актерской памяти — все материал. Он подлежит осмыслению и переработке. Он возжигается фантазией Лебедева и обретает в обжиге новое качество — качество художественного образа.

Становится ли каждая работа артиста — в кино, в Академическом Большом драматическом театре имени М. Горького, на телевидении — художественным событием? Утвердительно здесь не ответишь. Разные бывали роли. О них много писали, иногда спорили. Вообще в кинематографе последнего десятилетия актерские праздники Лебедева почему-то более редки, не сопоставимы с тем, что он дает нам в театре.

Но вот недавно мы увидели его в фильме режиссера В. Желакявичуса «Кентавры», где местом событий избрана одна из латиноамериканских стран. Лебедев играет второстепенную, крошечную роль генерала Пина, но исследование состава зла проводится здесь актером с беспощадной страстностью.

Персонаж дан с броскостью политического плаката. Блиц-вспышка. Первая — прилизанная крыса с ниточкой черных усиков над губой. Голова втянута в плечи. Поза выражает скромность, преданность, аккуратность. В оловянных немигающих глазах-пуговицах — подобострастие вышколенного служаки. Вторая — уже не рядовой генерал, не «один из», а командующий сухопутными войсками. Появился оскал, появилась свита; в глазах пляшет веселая наглость торжествующего интригана. Третья — мясник на троне; упоение фельдфебеля в кресле президента; азарт резни, большой крови под непрерывный треск политической демагогии. Краткость социальной характеристики состязается с ее типологической спрессованностью. На крохотном плацдарме — и так много мыслей! Не просто генерал Пин — но олицетворение тоталитарной идеи, а заодно и «человеческого материала», из коего она, идея эта, произрастает.

На сцене он когда-то разработал эту тему в роли Артуро Уи, в спектакле БДТ по пьесе Б. Брехта «Карьера Артуро Уи, которой могло бы не быть». Образ Уи отбрасывал мрачную тень. В ней мы узнали главаря фашистского рейха Адольфа Гитлера.

Если Уи, как и Пин, — мир зла, сатанинской энергии разрушения, предательства, лжи, то другое создание Лебедева, Холстомер в спектакле «История лошади» — мир добра, преданности, любви.

История пегого мерина, описанная Л. Толстым в повести «Холстомер», — его рождение, любовь, минуты радости и счастья, трагедия одиночества, старости, смерти — воссоздана театром и актером с потрясающей достоверностью. Здесь тоже достоверность соединена с гротеском, психологическая разработка образа с театральной условностью общего рисунка спектакля.

Уи и Холстомер — антимиры. Но каждый из них заключает в себе главные высказывания артиста о жизни, о творчестве. Эти работы — своего рода эмблемы искусства Лебедева, средоточие его полярных возможностей.

Сегодня артист Большого драматического театра им. М. Горького Евгений Алексеевич Лебедев за работы последних лет в репертуаре русской и советской классики — Вожак («Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского), солдат Иван Шадрин (спектакль «Перечитывая заново»), профессор Серебряков («Дядя Ваня» А. Чехова) — по достоинству выдвинут на соискание Ленинской премии.

Работы эти отмечены новизной сценических решений. Обращее начало, их роднящее, — чисто лебедевская страстность существования в образе.

Вожак у Лебедева неожидан, судьбы людей вершит экзотически разряженный муляж — в неимоверно красных галифе и напяленной комиссарской кожанке, с аляповатым кольцом на пальце и с длинным шарфом, замотанным на шее. Какое-то садистское упоение властью проглядывает в значительной «выступке», в подчеркнуто фиксированных — «для истории» — позах, в этих вскинутых накрест руках (приказ к уничтожению «провинившихся»). Гулко-многозначительная ординарность творит произвол и насилие... Правит бал не сильная человеческая глыба, как всегда игралось раньше, а хитрое, злобное ничтожество, всплывшее на поверхность.

Более скупыми, очень точными штрихами обрисовывает Лебедев Ивана Шадрина в «Перечитывая заново» — его наивность и обстоятельность, неподдельную искренность и мужицкую хитринку. За ним — океан народной жизни. Эпизод встречи Шадрина с Лениным сыгран актером как переворот в душе и сознании героя. Приходит обычный солдат, что-то разузнать, а уходит совсем иной человек. Он будто увидел будущее. Он обрел понимание пути. Лебедев играет «звездный час» в жизни Ивана Шадрина — миг обретения истины, миг окрыленности.

В исканиях Лебедева всегда ощутимо стремление к обобщенности мысли, в итоге — цельность и крупность ее. Казалось бы, яркая индивидуальность актера должна «слинять» в заурядности облика профессора Серебрякова. Но — парадокс! — лебедевский персонаж и здесь выделяется из лирического ансамбля экстраординарной интенсивностью внутренней жизни Серебрякова. Он вызывает смех зрителей неумеренными амбициями Серебрякова и одновременно наше сочувствие к стариковским слабостям. Когда дядя Ваня стреляет, а Серебряков каким-то наивно-беспомощным жестом закрывает лицо руками, — почему-то становится жаль его.

Лебедевский Серебряков — персонаж грагикомический. Это символ настырной убежденности в своих особых правах, в своем уделе избранного, при том что на самом-то деле человек пуст как бочка. Он не только противопоставляет свою волю аморфности окружающих, но яростно, до смертоубийства готов отстаивать свое положение, дутые звания, особые привилегии. И делает это так, что забыть его невозможно.

Целый мир художественных образов создан Лебедевым, образов, удивляющих своей точной живописью, скульптурной отчеканенностью, графической рельефностью. Русская жизнь схвачена всепроникающей памятью художника и в полузабытых, патриархальных родниках и в крутых виражах современного бытия. И, проникая в иноязычную культуру, артист не ограничивается превосходно выполненной этнографией, а прорывается к простым и великим истинам человеческого существования.

В полном и всеобъемлющем смысле слова это артист Народный.

Э. ЯСНЕЦ

Фото **Ю. Белинского** (ЛенТАСС)